

Любовь
из легенды

Светлана Лудежца

Только для девчонок

Светлана Лубенец
Любовь из легенды

«Автор»

2007

Лубенец С. А.

Любовь из легенды / С. А. Лубенец — «Автор», 2007 — (Только для девчонок)

ISBN 978-5-699-24326-6

В первый раз Оля Ларионова влюбилась, и так неудачно! Саша Добровольский – один из братьев-близнецов... Как разобраться, с кем из братьев она танцевала на дискотеке, а кто пришел к ней на свидание? Ведь любимое развлечение близнецов – разыгрывать легковверных девчонок... День и ночь Оля мучилась вопросом: нравится ли она Саше или его нежное отношение к ней – всего лишь продолжение игры? Девчонка совершенно запуталась – и тогда ей на помощь пришла верная подружка Галка с целым фонтаном идей! Девочки начинают слежку за братьями. И узнают, что Добровольские, пользуясь своей похожестью, некрасиво обманули учительницу на зачете. Что же делать? Помочь Олиному возлюбленному и его коварному брату? Или, наоборот, раскрыть их секрет и таким образом наказать заносчивых мальчишек?..

ISBN 978-5-699-24326-6

© Лубенец С. А., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Светлана Лубенец

Любовь из легенды

Глава 1

Неудачное свидание

Ольга Ларионова собиралась на первое в своей жизни свидание.

Вчера на дискотеке Саша Добровольский три раза приглашал ее танцевать, а потом предложил следующим вечером прогуляться по городу. Разумеется, Ольга тут же согласилась. Да разве она могла отказаться, если мечтала об этом почти целый год. Правда, она не могла с уверенностью сказать точно, о ком мечтала, о Паше или о Саше. Братья Добровольские были близнецами, похожими друг на друга, как размноженная на принтере фотография одного и того же человека. Ольге уже несколько раз в своей жизни приходилось иметь дело с близнецами, но никогда она еще не встречала до такой степени похожих.

А все дело в том, что Добровольским очень нравилось сходство, которое им подарила природа, оно было им очень выгодно, и они его всячески подчеркивали. Первое, что Саша с Пашей сделали, когда поняли, что отличить их друг от друга очень трудно, это – поделили между собой школьные предметы пополам, и каждый из них дома готовил только свою часть, затрачивая таким образом на приготовление уроков в два раза меньше времени, чем одноклассники. В школе братья сидели за одной партой и менялись местами в зависимости от предмета. Каждый новый учитель поначалу говорил, что за свою многотрудную учительскую жизнь навиделся близнецов и в конце концов всегда находил способ их различать. Дни проходили за днями, новый учитель делался старым, но различий между Пашей и Сашей так и не находил. Да и как их было найти, если Добровольские одевались совершенно одинаково, стриглись у одной парикмахерши, которая была не кем иным, как их родной мамой, оба писали одинаковыми почерками, и даже родинки над верхней губой у них у обоих находились справа, под строго определенным от кончика носа углом.

В классе Добровольских воспринимали как единое целое и называли «двое из ларца» или, исходя из фамилии, Добровольцами. Были они хорошего роста, спортивными и сильными. Братья всегда были вместе и стояли друг за друга насмерть, и это прибавляло им силы вдвое, а потому они пользовались законным уважением одноклассников. Девочки их 9-го «А», других параллельных девярых и даже некоторые старшеклассницы млели только от одного взгляда Саши или Паши, а Добровольцы поступали с ними так же, как со школьными предметами, то есть беззастенчиво делили их между собой и менялись ими. Один назначал свидание, а приходил на него тот, у кого в нужный момент было подходящее настроение или свободное время. Так что ни одна девочка, удостоившаяся внимания какого-нибудь из Добровольцев, никогда не могла бы сказать, с кем в действительности провела время: с Сашей или с Пашей. Но девочки в обиде не были, потому что прогуляться с кем-нибудь из них по городу хотя бы один вечер было очень престижно. Конечно, одноклассники завидовали способности Добровольских кружить головы девчонкам, но не до такой степени, чтобы их за это ненавидеть.

Ольга, точно так же, как и другие девочки, не могла, положив руку на сердце, с уверенностью сказать, что на дискотеке все три раза танцевать ее приглашал именно Саша. Но, опять же, как и другим, ей очень хотелось верить, что именно она станет той счастливницей, которая завоюет сердце одного из Добровольцев навсегда, что он в нее влюбится и не посмеет делить ее с братом. Подруга Галка уже на дискотеке призывала Ольгу «не раскатывать губенку», поскольку, по ее мнению, такие, как Добровольские, на любовь вообще не способны. Им совер-

шенно незачем даже учиться этому чувству, так как из-за их броской внешности и экзотической похожести женский пол до пенсионного возраста так и будет по отношению к ним проявлять присущую ему слабость. Добровольцам останется только выбирать себе девушек и меняться ими, как коллекционными марками.

Ольга посмотрела на себя в зеркало и еще раз убедилась в том, что в ней есть все, чтобы Саша Добровольский забыл про всех своих предыдущих приятельниц скопом и больше не задумывался о будущих. Ольга была яркой кареглазой брюнеткой с матовой смуглой кожей. Длинные гладкие волосы она убирала в узел на затылке и при этом приобретала точеность статуэтки или, на худой конец, изысканность балерины Большого театра. Галка, конечно, на этот счет имела свое мнение. Она говорила, что нынче в моде вовсе не изысканность, а наоборот, разнузданность, и предлагала завивать волосы в тугие кольца и носить огромную гриву, как Олеся Ивановская из 11-го «Б». Ольга однажды попробовала завиться, но показалась себе настолько вульгарной, что тут же размочила кудри, чтобы никогда больше к ним не возвращаться.

Ольга бросила на себя в зеркало последний критический взгляд, не нашла, к чему можно было бы придраться, и с довольной улыбкой вышла из дома.

Надо сказать, что при встрече Саша ей не понравился сразу. Ей показалось, что тот, кто приглашал ее танцевать на дискотеке, говорил с несколько другими интонациями. Она уверяла себя, что это всего лишь предубеждение, что все это ей только кажется, но ничего не могла с собой поделать. Она смотрела на красивое светлоглазое лицо с родинкой над верхней губой, как у одной известной фотомодели, и молодой человек казался ей ненастоящим, искусственным, поддельным. В конце концов Ольга устала бороться с собой и сказала:

– Знаешь, Саша, я, пожалуй, пойду домой.

– Почему? – удивился Добровольский, привыкший к тому, что от девушек обычно очень трудно отвяжаться.

– Потому что мне кажется, что ты не Саша, – решила она высказать все на чистоту.

Добровольский расхохотался и возразил:

– Вот уж я-то как раз именно Саша!

– Возможно. А на дискотеке кто со мной танцевал?

– Ну... я, положим, тоже тебя приглашал...

– Ясно. Значит, в паре работали, – убедилась в правильности своих подозрений Ольга. – А скажи, пожалуйста, «именно Саша», сегодня вечером вы насчет свидания полюбовно договорились друг с другом или разыграли меня... на морского?

Добровольский смутился. Никто из девчонок никогда еще не проявлял подобную строптивость и не позволял себе их с братом допрашивать.

– Это наше дело, – от неловкости довольно зло сказал он. – Между прочим, тебя никто не держит, хотя я не очень понимаю, отчего ты так рассердилась. Знала ведь, на что шла.

– Знала, – согласилась Ольга, – только поверить не могла.

– И что здесь такого? – продолжал искренне удивляться Саша. – Я не имею ничего против, если ты завтра пойдешь гулять не со мной или Пашкой, а, к примеру, с Гусаковым или Андроновым.

– Зато я имею, – резко бросила ему Ольга и, не оглядываясь, пошла к дому.

Добровольский останавливать ее не стал.

Глава 2

Миледи нам поможет

На следующий день в школе оба брата Добровольских посматривали на Ольгу с нескрываемым интересом.

– Колись, подруга, почему «двое из ларца» весь день не сводили с тебя своих прекрасных глаз! Неужели они так обнаглели, что парой явились к тебе на свидание? – спросила Галка, когда после школы они вдвоем пришли домой к Ольге.

– Почти, – усмехнулась Ольга. – Ты, Галка, как всегда, оказалась права. Эти двое настолько не способны к искренним чувствам, что даже не могут осознать весь ужас своей ущербности.

– Какие слова! – восхитилась подругой Галка. – Неужели твоя любовь прошла, свеча загасла? Что-то больно быстро!

– Загаснет тут, когда тобой играют, как куклой...

– Ольга, я серьезно. Ты что, отказываешься от Добровольцев?

– Видишь, даже ты говоришь о них во множественном числе. Разве можно влюбиться сразу в двоих?

– В этих можно, – печально отозвалась Галка.

– Неужели? – усмехнулась Ольга. – И в какой же книге это написано?

Галя Калинкина очень много читала. Она не просто любила читать – она была фанаткой чтения как процесса. Она с одинаковым интересом могла читать не только романы или повести, но и любой попавшийся на глаза печатный текст. Если Галке вдруг делалось скучно у кого-нибудь в гостях, она уединялась в углу и углублялась в чтение того, что попадалось под руку. Это мог быть учебник по природоведению для третьего класса, справочник рыболова-любителя, инструкция по установке оконных стеклопакетов или листовка-вкладыш к медицинскому препарату против пародонтоза.

– Во многих, – уклончиво отозвалась Галка.

– Знаешь, Калинкина, мне кажется, ты сама в них влюблена не меньше, чем другие. И мне противно, – Ольга сморщилась, – что я тоже только что сказала о них во множественном числе. Просто наваждение какое-то!

– Я думаю, – не стала ничего отрицать подруга, – есть одно средство, которое может заставить их отлепиться друг от друга.

– Интересно, какое же?

– До сих пор их одинаковость была им только на руку, поэтому необходимо создать ситуацию, в которой им станет невыгодно быть очень похожими.

– Например?

– Ну... не знаю... надо подумать, обратиться к известным образцам. Знаешь, ведь на самом деле литературная классика давно дала ответы на все вопросы, надо только сообразить, в каком произведении.

– Тогда, Галка, все зависит исключительно от твоей памяти. Ты уж напрягись, пожалуйста, – попросила Ольга и села напротив подруги, которая, не откладывая дела в долгий ящик, углубилась в воспоминания.

– Можно, например, попробовать вариант под названием «Человек-амфибия», – наконец сказала она.

– То есть? – удивилась Ольга.

– То есть ты говоришь Сашке, что любишь его, но вынуждена уйти, к примеру, к Вовке Николаеву... ну... как Гуттиэре к Педро Зурите, потому что твой отец должен Вовкиному

отцу... скажем, две тысячи долларов. И его отец твоему долг простит, если ты согласишься выйти за его Вовку замуж, – одним духом выпалила Галка.

– Совсем с ума сошла! – возмутилась Ольга. – Какое еще замужество, когда нам по четырнадцать лет!

– Подумаешь! Между прочим, Джульетте ее несовершеннолетие несколько не помешало тайно обвенчаться с Ромео.

– Я, Калинкина, тебе никакая не Джульетта, а Вовка уж тем более не Ромео, и венчаться я с ним не желаю, ни тайно, ни явно.

– А кто заставляет? Ты же просто так скажешь Сашке, для создания критической ситуации.

– Ну тебя, Галка, придумаешь тоже! Добровольский, может, «амфибию»-то и не читал, а потому ничего не поймет, а от Вовки потом вообще вовек не отвяжешься.

– Фильм-то наверняка все смотрели. Там Ихтиандрик – такой красавец! Кстати, Добровольские на него здорово похожи, только родинки у них лишние.

– Глупости все это! Нет, придумай что-нибудь другое. Без долларов и замужества, пожалуйста.

– Можно, конечно, и другое, – тут же согласилась Галка. – Вариантов тысячи. Вот еще один, «Три мушкетера» называется. Если кто и не читал, то фильм наверняка сто раз смотрел.

– Ну и чего там, в твоих «мушкетерах»? – насторожилась Ольга.

– А вот чего: ты прикидываешься, что тебе, к примеру, в столовой в пюре с жареной рыбой подлили, как Констанции, яду. Ты корчишься на полу в муках и говоришь Сашке, что любишь его, но рада умереть, потому что не можешь перенести его и Пашкиной подлости.

– Нет, ты, Калинкина, просто ненормальная! Умирать мне, знаешь, что-то совершенно не хочется!

– А кто заставляет? – опять спросила Галка.

– Что же, я, по-твоему, поприкидываюсь немного отравленной, а потом встану, отряхнусь и пойду домой?

– Можно не сразу. К тебе, конечно, тут же «Скорую помощь» вызовут, тебя увезут, а потом выпустят, поскольку ты на самом деле никакая не отравленная. А Сашке можно, в случае чего, потом напомнить, что медицина в наше время очень далеко вперед ушла с тех пор, как миледи отравила госпожу Бонасье.

– Чушь ты несешь, Галка! Я вообще не понимаю, почему в этих твоих дурацких ситуациях Сашке будет невыгодно быть похожим на Пашку?

– Да потому, что именно из-за него, из-за Сашки, а вовсе не из-за Пашки, ты готова умереть от отравленного пюре. Я думаю, каждому парню это было бы приятно и каждый не хотел бы, чтобы и из-за другого, будь он хоть трижды самым кровным близнецом, девушки тоже кончали бы жизнь самоубийством.

– Каким самоубийством? – расхохоталась Ольга. – Отравление же дело рук миледи.

– Какая разница, – отмахнулась от нее Калинкина.

– Нет, Галка, это все не то. Ерунда какая-то. Думай еще!

– Знаешь, на тебя прямо не угодишь! Есть, конечно, варианты и попроще, подступнее. Например, возьмем то же «Горе от ума». Не хочешь умирать от отравления, тогда придется тебе, как Софье в Молчалина, временно втрескаться в кого-нибудь самого замухрыжного из нашего класса, например – в Петюню Казбекова.

При упоминании о Петюне Ольга упала на диванную подушку, расшитую жар-птицами, и чуть не задохнулась от смеха.

– Ой, не могу! – наконец проговорила она. – Разве кто-нибудь поверит, что я, как ты говоришь, втрескалась в Петюню?

– А зачем кому-то что-то знать? Ты будешь любить его тайно, как Софья.

– Да? – продолжала заливаться смехом Ольга. – А как же тогда Сашка про эту мою любовь узнает, если она будет тайная?

– Напрасно ты смеешься, – заметила Галка. – Все можно продумать, было бы желание!

У Ольги желания не было. Петюня Казбеков представлял собой весьма жалкое зрелище и чем-то походил на телевизор с ножками, модернизированный двумя экранами. Экранами были огромные увеличительные стекла квадратных очков, за которыми почти скрывалось невыразительное лицо Петюни. Сходство с телевизором добавляли плоская, вытянутая по горизонтали голова и почти полное отсутствие шеи. Естественно, что однажды произнесенное прозвище – Телевизор – прилипло к Петюне и закрепилось за ним навсегда и навсегда.

Роста Казбеков был очень маленького и еле доходил Ольге до плеча. В отличие от роста Петюня имел очень высокую работоспособность. Даже если у него все уроки были подготовлены, каждую перемену он все равно занимался чем-нибудь очень серьезным: переводил на всякий случай следующий параграф по английскому, учил следующее правило по русскому языку или безуспешно пытался решить задачу по физике по еще не пройденной теме. Втрескаться в Казбекова, как советовала Калинкина, было совершенно невозможно, что Ольга тут же еще раз объяснила подруге.

– Ты ничего не понимаешь! – возразила ей Галка. – Ты только представь, что сделается с Добровольцами, когда они увидят, что ты их, таких высоких и красивых, променяла на низкорослого квадратного Телевизора.

– Они просто ни за что в это не поверят, вот и все.

– Придется тебе популярно им объяснить, что полюбила Казбека за красивую душу. Известно, мол, что с лица воду не пить... не родись красивым, а родись счастливым... и все такое.

– Может, лучше тебе, Галина, Телевизора полюбить?

– А мне-то зачем?

– Насколько я поняла, тебе Добровольцы тоже не безразличны. Пусть они лучше тебя к Казбеку ревнуют.

– Интересно ты рассуждаешь! – почему-то рассердилась Галка. – Кого Сашка на свидание приглашал, тебя или меня?

– Допустим, меня...

– Из чего мы и заключаем, что моя судьба им абсолютно не интересна, а потому моего романа с Телевизором они просто не заметят.

– Возможно, но... – лукаво посмотрела на нее Ольга, – можно сделать что-нибудь такое, что они обязательно заметят. Ты правильно говорила, что классическая литература уже проработала все возможные варианты. С тобой можно провернуть вариант номер четыре под названием «Бедная Лиза». Ты признаешься Сашке... или Пашке в любви, а потом идешь топиться в пруд возле нашей школы. На месте, где ты утопнешь, Добровольцы поставят часовню и станут проводить там в рыданиях все свое свободное время.

– Издеваешься, да?

– Не больше, чем ты надо мной со своими Телевизором и ядовитым пюре! Я тебе больше скажу: если не хочешь тонуть насовсем, то мы вызовем к тебе Службу спасения, и тебя вытащат. Добровольцам же, которые наверняка побегут сверяться с первоисточником, поясним, что все сделано по правилам и никто не виноват, что во времена Карамзина до Службы спасения еще не додумались.

– Теперь я просто уверена, что ты издеваешься, – обиделась Калинкина, встала с кресла и хотела гордо покинуть квартиру подруги.

– Ладно, Галка, не злись, это я так... – Ольга усадила Калинкину обратно на диван, – от безысходности.

– Скажи, Оль, – моментально успокоилась Галка, – а тебе кто больше нравится, Сашка или Пашка?

– Теперь, по-моему, ты издеваешься! Разве можно сообразить, кто из них кто!

– Ну, тогда я беру себе Пашку, потому что Сашка, по-моему, тебе после последней дискотеки как-то ближе.

– И как же ты отличишь Сашку от Пашки?

– Пока, конечно, никак. Но мы что-нибудь придумаем, вот увидишь! Для начала я предлагаю установить за ними тотальную слежку.

– Зачем?

– Затем, что не могут они все-таки быть похожими абсолютно во всем. Они же люди, а не биороботы и на свет появились обычным способом, а не с помощью клонирования. Родители их наверняка различают, значит, и мы сумеем. Надо только постараться.

Глава 3

Программа на каникулы

Следующая неделя прошла для подруг довольно напряженно. Галка старалась вовсю, но смогла, как в журнальной игре «Найди различия», отыскать их не больше четырех штук. Заключались они в следующем: на школьной сумке одного из близнецов не хватало язычка у «молнии», темно-синяя футболка одного из Добровольских на занятиях по физкультуре отличалась от формы другого брата более светлым воротничком, учебники литературы Саши и Паши были в обложках разного цвета – коричневого и зеленого, а однажды в столовой один Добровольец взял себе компот, а второй – чай. Все эти не без труда добытые сведения никаким образом не помогали пролить свет на то, кто есть кто. Ольге слезка вообще не удалась, поскольку стоило ей только попристальней взглянуть в Добровольцев, как кто-нибудь из них моментально реагировал: поворачивал голову и смотрел ей в глаза вопросительным взглядом.

Галка на последней перемене как раз докладывала Ольге о результатах своей кропотливой деятельности по поиску различий в Добровольцах, когда к ним бочком подобрался Телевизор и тонким голоском воспитанника старшей группы детского сада пропищал:

– Калинкина и Ларионова, сегодня после шестого урока останьтесь на классный час.

– Э-э-э! Казбек! – схватила его за буратинью курточку Галка. – А по какому поводу?

– Не знаю. Нина Петровна просила передать, чтобы все обязательно были, поскольку ее сообщение очень интересное.

– Хм, что это нам должно быть так интересно, чтобы мы остались на седьмой урок? – изрекла Калинкина, за курточку подтащила Телевизора к себе поближе и внимательно осмотрела его с ног до головы. Спротивления он не оказал никакого, и Галка, очень скоро утратив к нему интерес, грубо отогнала от себя. – Вали отсюда, Казбек. Будем мы на классном часе, не сомневайся.

– Зачем ты с ним так невежливо? – пожалела Петюню Ольга. – Он ведь совершенно безобидный парень.

– Да понимаешь, я попыталась найти в нем хоть что-нибудь, за что в него можно влюбиться...

– Ну и как? Нашла?

– Где там! Глядя на него, можно вообще разлюбить весь род мужской.

– погоди, Галка! Вот он возьмет – вырастет, превратится в интеллигентного Петра Казбекова в каких-нибудь моднучих очках, и ты еще пожалеешь о том, что так непочтительно с ним обходилась в девятом классе. Такое, знаешь, бывает. Мне мама рассказывала про своего одноклассника Лелика, над которым все издевались. А сейчас этот Лелик – тот самый Лев Нижегородцев, ведущий телешоу «У нас в гостях...».

– Да ты что? Не может быть!

– Оказывается, может. Так что ты будь на всякий случай поприветливей с Телевизором.

– Ладно... – очень серьезно отозвалась Галка и надолго задумалась.

– Ребята! Прекратите шуметь! – призвала свой 9-й «А» к порядку классная руководительница Нина Петровна. – Я действительно хочу сообщить нечто для вас интересное. – Она подождала, пока стихнут последние возгласы, и продолжила: – Через две недели, то есть на зимних каникулах, к нам в школу приедут девятиклассники из Москвы. Мы с вами должны будем показать им наш Петербург, сводить в какой-нибудь театр, в музей, словом, проявить максимум гостеприимства.

– И что ж тут для нас интересного? – недовольно спросил Саня Катанян. – В каникулы хочется отдохнуть, а не проявлять гостеприимство. И вообще, почему именно мы должны его проявлять, а не 9-й «Б» или «В»?

– Потому что привезет сюда свой класс моя институтская подруга, – весело отозвалась Нина Петровна.

– Ну и что? – по-прежнему был недоволен Катанян.

– А то, что если все пройдет хорошо, то на весенних каникулах мы с вами сможем съездить в Москву с ответным визитом!

9-й «А» сначала молча встретил это сообщение, а потом, когда до всех наконец дошел смысл сказанного, классное помещение потрясло такое громогласное «Ура!», что над доской качнулся и покосился портрет Михайлы Васильевича Ломоносова.

Когда все вдоволь накричались, на Нину Петровну посыпались вопросы:

– А сколько человек приедет?

– Где они будут жить?

– А дискотека будет?

– А мы с кем поедем?

– Всех возьмут или только хорошистов?

– Приедет человек пятнадцать, – начала отвечать по порядку классная руководительница.

– Ясно... – огорченно протянул Саня Катанян, заслуженный двоечник 9-го «А» с первого класса. – Значит, и от нас пятнадцать возьмут. Зубрилок, конечно. Значит, нормальным людям увидеть столицу нашей родины не удастся. Правильно я понимаю, Нина Петровна? – и он посмотрел на учительницу умудренным взглядом учащегося средней школы, восемь с лишним лет с кровью продирающегося сквозь тернии к знаниям.

– Правильно, Катанян, – согласилась классная руководительница. – Иногда ты очень хорошо и быстро соображаешь. – Поездка в Москву действительно будет наградой за хорошую учебу и...

– И за примерное поведение, – с большим знанием предмета закончил за нее Катанян.

– Именно, Саня! – засмеялась учительница. – А поскольку хорошую учебу, боюсь, ты обеспечить не сможешь, предлагаю тебе подумать над примерным поведением.

– И вы даете слово, что если у меня будет такое поведение, то... – бедный Катанян, разволновавшись, даже побоялся закончить свой вопрос.

– То для тебя лично учеба с поведением будут идти в разных зачетах, – теперь за него закончила уже Нина Петровна. – Это я тебе обещаю.

– Все слышали? – Катанян обвел встревоженным взглядом одноклассников. – И чтоб никто не вздумал меня провоцировать на непримерное поведение! Наплачетесь потом!

– Ты, главное, сам не нарывайся, – предложил ему один из Добровольцев, и все рассмеялись, потому что очень хорошо знали взрывчатый Санин характер.

– А вот где гости будут жить, это я и предлагаю нам обсудить, – продолжила Нина Петровна. – Мы, конечно, можем расположить ребят в каком-нибудь классе либо на физкультурных матах, либо на раскладушках – попытаемся взять их напрокат в соседнем интернате. Но мне хотелось бы, чтобы вы разобрали москвичей по домам. Наверно, у каждого в квартире найдется место для одного-двух ребят. Мы, конечно, проведем по этому поводу еще и родительское собрание, но вы уже сейчас можете дома обсудить данный вопрос. Если гости будут жить у нас в домашних условиях, то и вы тогда можете надеяться, что в Москве не придется корчиться на полу на физкультурных матах.

– Конечно, найдется!

– У нас в большой комнате диван свободный, на нем никто не спит!

– А у нас так и трое поместятся!

– А у нас только двое! – перебивая друг друга, убеждали учительницу девятиклассники.

– Я не сомневалась в вашем гостеприимстве, – улыбалась Нина Петровна. – Но хочу предупредить, что для тех, кто хочет поехать в Москву, время пошло. С сегодняшнего дня начинаю еще более пристально отслеживать вашу успеваемость и приглядываться, насколько примерно ваше поведение. Первой ласточкой в нашем деле будет зачет по геометрии, который я решила провести в следующую пятницу. На подготовку вам, таким образом, дается целая неделя. Вопросы к зачету я завтра вывешу на стенде «Математика и мы».

– Вот что вы, учителя, за люди такие! – рассердился Катанян. – Только чему-нибудь обрадуешься, так вы обязательно все испортите!

Несмотря на то что сообщение о зачете абсолютно никому не понравилось, над репликой Сани все рассмеялись, и геометрия перестала казаться очень уж страшной.

– Ольга, я ничего не помню, я получу «пару», и меня не возьмут в Москву, – причитала Галя Калинкина у двери в кабинет математики. – Только на тебя надежда! Садись только рядом со мной... на соседнюю парту, иначе все... каюк...

– Ты прекрасно знаешь, что от меня абсолютно ничего не зависит. Нина куда захочет, туда и посадит. Если сейчас кто-нибудь один выйдет, то только один и зайдет. Ты лучше посмотри на Добровольца. В первый заход, когда можно было вдвоем в класс войти, они почему-то разделились. Явно что-то задумали.

– Ой, не могу-у-у, – застонала Галка. – Сейчас мне абсолютно наплевать на этих... «одинаковых с лица». Меня геометрия волнует гораздо больше.

– А как же любовь, Галка? Люди ради нее на настоящие жертвы идут, а ты не можешь от геометрии на две минуты отвлечься!

– Так ведь у меня еще нет любви! Где она? Пока еще только одни несбывшиеся надежды. Лучше напомни мне, пожалуйста, второй признак подобия треугольников.

Ольга уже хотела оказать отчаявшейся подруге первую геометрическую помощь, но дверь кабинета открылась, из нее вышел «один из ларца», а Нина Петровна вместо него затащила к себе в логово подвернувшуюся под руку и упирающуюся Галю Калинкину. Ольга, избавившись от Галкиного нытья, сосредоточила свое внимание исключительно на Добровольцах. Тот, который вышел из кабинета, картинно привалился к стене коридора и, улыбаясь, начал рассказывать брату, видимо, о своих удачах на зачете.

Ольга еще раз без всякого удовольствия отметила, что ей очень нравятся оба молодых человека: высокие, с мягкими темными волнистыми волосами и прозрачными светлыми глазами. Как всегда, они мгновенно среагировали на ее взгляд и оба повернули к ней головы. Ольга так же мгновенно покраснела. От окончательного замешательства ее спас скрип открываемой двери и вылетевший из кабинета математики взмыленный Катанян.

– Ну как? – с преувеличенной заинтересованностью спросила его Ольга. – Сдал?

– Сдашь тут, как же... – Саня с отвращением посмотрел на зажатый в руке учебник. – Разве ж все упомнишь? Пока выучишь одно только слово «парареро...», нет, «палалеро...», тьфу ты, «параллелограмм», – посидеешь десять раз!

Дверь опять открылась. На пороге появилась Нина Петровна. Увидав Саню, она сердито сказала:

– Если я тебе, Катанян, обещала для поездки учитывать только поведение, это вовсе не значит, что ты можешь вообще не учиться.

Учительница оглядела стоящих у кабинета девятиклассников и выбрала следующей жертвой второго Добровольца:

– Саша, прошу тебя на зачет.

Ольга не побоялась бы присягнуть, что сдавать геометрию во второй раз отправился тот из близнецов, который только что зачет уже сдал. Братья эти несколько минут стояли у стены, не меняясь местами. Тот, кого классная руководительница назвала Сашей, прошел мимо

Ольги. Мимо нее проплыла школьная сумка, на «молнии» которой не было того самого, отмеченного Калинкиной, язычка. Видимо, Ольгино лицо было настолько выразительно, что второй «из ларца» отлепился от стены и подошел к ней.

– Неужели настучишь? – спросил он, пытаясь с независимым видом, но явно нервничая крутить на пальце ярко-оранжевый транспортир. Скорее всего он здорово нервничал, поскольку измерительный прибор пропеллером соскочил с его пальца и птицей влетел прямо в разинутую пасть сумки Катаняна.

– Издеваешься, да? – угрожающе взревел Саня. – Думаешь, сдал зачет, так тебе все можно? – и он взбешенным медведем пошел на Добровольского.

– Саня! Ты куда! А как же примерное поведение? – воскликнула Ольга и очень удивилась, что такие простые слова подействовали на Катаняна, как магическое заклинание. Саня остановился сантиметрах в двадцати от того, который должен бы быть Пашей, сказал безнадежное «э-э-эх!», махнул рукой и походкой Терминатора устаревшей модели пошел по коридору прочь от одноклассников.

Добровольский по-прежнему стоял рядом с Ольгой и выжидательно глядел ей в глаза.

– Ты кто будешь-то, Паша или Саша? – спросила она.

– А ты не узнаешь? – молодой человек, оставшись без спасительного транспорта, нервно покусывал нижнюю губу.

– Раз я должна узнать, то ты скорее всего Саша.

– Молодец, соображаешь, – похвалил ее Добровольский.

– И что же ты от меня хочешь, Саша?

– Ответа жду. Я вопрос вообще-то тебе уже задал, но могу и повторить – настучишь?

– Если не настучу, то что мне за это будет? – удивляясь собственной наглости, спросила Ольга.

– А что бы ты хотела? – вопросом на вопрос все так же нервно ответил Добровольский.

Ольга не успела ничего заказать, потому что ее пригласила на зачет выглянувшая из класса Нина Петровна.

Глава 4

Заговор подруг

– Значит, они у нас в руках, – обрадовалась Галка, когда Ольга рассказала ей о происшествии у кабинета математики. После полученной на зачете по геометрии «четверки» у нее вновь пробудились угасшие на время нежные чувства к братьям Добровольским. – Надо только правильно распорядиться полученной информацией и, главное, не опоздать.

– В каком смысле? – удивилась Ольга.

– В прямом. Информация имеет свойство устаревать. Через несколько дней все забудут про зачет, и мы останемся ни с чем, если, конечно, ничего не предпримем в ближайшее же время.

– И что ты предлагаешь?

– Предлагаю потребовать от них свидания вчетвером.

– Зачем? – не догадалась Ольга.

– Затем, чтобы постепенно приучить их к себе, а если получится, то и влюбить в себя.

– Знаешь, я думаю, что за один вечер ничего не выйдет.

– Во-первых, можно получше постараться, а во-вторых, мы имеем право потребовать с них и неделю свиданий. Не бойся! – Галка остановила рвущиеся из Ольги возражения. – Согласятся! Никуда не денутся. Поездка в Москву того стоит.

– А тебе, Галина, не кажется, что наши действия будут смахивать на шантаж?

– Это зависит от того, как тонко мы проведем операцию.

– Нет, – покачала головой Ольга, – я не буду в этом участвовать. Получится, что я Сашке навязываюсь. Если он и так не особо горит желанием со мной встречаться, то из-под палки вообще ничего хорошего не выйдет. Есть народная мудрость: насильно мил не будешь.

– Я тебе на эту мудрость десять других, противоположного содержания, приведу. Например, стерпится – слюбится. Помнишь такую?

– Не хочу я, Галка, чтобы меня терпели. Хочу, чтобы любили.

– Для начала, милая моя, пусть потерпят, а там видно будет. Может, они только с виду такие: высокие да красивые, а познакомимся поближе, так квадратный Телевизор в сто раз милее покажется. Всякое, знаешь, бывает.

– Нет, Галя! – твердо сказала Ольга. – Тут я тебе не помощница. Информацией ты владеешь, поэтому проводи какую хочешь операцию, только без меня. Можешь даже...

Ольга не закончила, потому что ее перебил телефонный звонок. Трубку сняла Галка, сидевшая рядом с аппаратом.

– Да, это я, – сказала она. – Я так и думала... Конечно, встретимся... Через пятнадцать минут... У пруда возле школы... Да-да, там, где беседка...

– С кем это ты собралась встречаться? – спросила Ольга, когда подруга повесила трубку.

– Угадай с трех раз, – усмехнулась Галка.

– Не может быть... – сразу догадалась Ольга. – Это Сашка! Зачем ты мной прикинулась?

– Ты же сама мне только что разрешила делать, что я хочу.

– Но не от моего же имени!

– А что такого? Ничего особенного я не сказала, а встретиться все равно необходимо. Если хочешь, я могу за тебя и встретиться.

– Как это?

– Так это! – Галка подтащила подругу к зеркалу. – Ты погляди: роста мы с тобой одинакового, обе кареглазые, темноволосые. Сашка твой в темноте нипочем не разберется.

– Да ты посмотри на волосы! У меня гладкие, а у тебя – волна морская, да еще в шторм!

– Ну и что! Я по морозу с голой головой ходить не намерена – твою шапку надену... И куртку твою тоже.

– А голос?

– Я тебя уверяю: эти красавчики и не думали запоминать, какой у тебя голос. Дела им нет до твоего голоса, понятно? Они сейчас только о себе беспокоятся: как бы ты их Нине Петровне не выдала и как бы после этого Москва для них не накрылась медным тазом.

– Ты думаешь... – все еще сомневалась Ольга.

– Уверена!

– Ну... допустим... И что ты ему скажешь? Имей в виду: я не собираюсь выпрашивать у них ни свиданий, ни любви! Не вздумай ничего такого говорить, а то я сама тебя им выдам!

– Я, Ольга, буду ориентироваться по обстоятельствам, потому что, честно говоря, сейчас, с ходу, не могу ничего придумать, а уже пора бы начать под тебя маскироваться.

Подруги побежали в коридор, и Галка надела Ольгину верхнюю одежду. Когда она замотала вокруг шеи толстый белый шарф, утопив в нем подбородок, Ольга поняла, что получилось действительно очень похоже.

Когда Галка выскочила за дверь, Ольга нервно заходила по квартире. Напрасно она, наверное, пустила это дело на самотек. От Калинкиной можно чего угодно ожидать! Еще начнет Сашке от ее лица в любви признаваться. Ольга достала из шкафа старую куртку, натянула на голову капюшон и устремилась вслед за подругой.

На улице действительно было очень морозно. Ольга сразу пожалела, что не надела какую-нибудь шапку. Колючий ветер свободно гулял в широком капюшоне и кусал за уши. Но возвращаться домой, чтобы переодеться, уже было некогда – упустишь Галку с Добровольским – потом и хлопот не оберешься.

У пруда рядом с беседкой на освещенном месте Ольга сразу заметила долговязую фигуру Сашки, и к нему как раз уже подходила Галка. Если Ольга и опоздает к началу разговора, то не надолго. Кружными дорожками она подобралась поближе к одноклассникам, осторожно выглянула из-за кустов и обомлела. Вместо Добровольского напротив Галки стоял Катанян.

– Я хотел, чтобы ты помогла мне с геометрией, – сказал Саня. – Если я не пересдам до Нового года проклятый зачет, меня не пустят в Москву.

– Далась тебе эта Москва! – недовольно бросила ему Галка. – Все решим в рабочем порядке, завтра в школе. А сейчас, Катанян, катись отсюда. У меня свидание, понимаешь? Меша-ешь!

Катанян стоял, не двигаясь. Галка, нервно оглянувшись по сторонам, в раздражении приблизилась к катаняновскому и, видимо, хотела сказать ему что-нибудь убийственное, но тот, вздрогнув, опередил ее:

– Галя? Калинкина? Ты зачем в Ольгу нарядилась?

Галка захлебнулась тем, что только что хотела сказать, а Катанян продолжил:

– То-то мне по телефону показалось, что голос на Ольгин не похож...

– Так это ты звонил? – в ужасе выдохнула Галка.

– Ну, я... – согласился Катанян.

– Зачем же ты Сашкой прикинулся?

– Как это прикинулся? Я Сашка и есть.

Галка и Ольга, сидевшая в кустах, в унисон охнули. Конечно, Саня Катанян – тоже Сашка. Только для всех в классе привычным было звать его именно Саней.

– Перепутали, дуры... – промямлила Галка, а Ольга в своих кустах очень рассердилась. С какой это стати Калинкина произнесла слово «дуры» во множественном числе? Если бы она, Ольга, сняла трубку, то ни за что не перепутала бы голоса Добровольского и Катаняна.

Расстроенная Галка развернулась спиной к Сане, намереваясь идти домой, но он опять вырос прямо перед ней.

– Знаешь, Галя, – смущенно начал он, – это даже хорошо, что так получилось. Я давно хотел к тебе подойти, но все как-то не решался...

– Зачем? – недовольно спросила она.

– Так... пригласить куда-нибудь хотел...

– Ты? Меня?

– Да, я... тебя... Но я, конечно, понимаю, что претендовать ни на что не могу... Вот у тебя свидание сейчас с кем-то...

– Нет у меня никакого свидания, – все еще раздраженно сказала Галка. – Пошутила я. Это у Ольги свидание... Вот я в нее и переоделась, чтобы приколоться...

– Правда? – обрадовался Катанян. – Может... это... того... пусть Ольга со своим... сама разбирается, а мы с тобой погуляем? А?

– Все равно уж, – махнула рукой Калинкина, и они с Катаняном пошли вперед по дорожке.

Ольга потопала окоченевшими ногами, потерла уши и пошла к дому.

В девятом часу Галка вернулась к Ларионовой, чтобы отдать куртку и шапку.

– Ну и как ты провела операцию? – самым невинным тоном спросила подругу Ольга, потому что решила не признаваться, что видела начало ее свидания.

– Никак. Не пришел твой Доброволец, – фальшивым голосом отозвалась Галка.

– Да ну? – не менее фальшиво удивилась Ольга. – Зачем же тогда звонил?

– Откуда мне знать?

– Придется завтра допросить его с пристрастием, – улыбнулась Ольга, искоса поглядывая на подругу.

– Еще чего? – прямо-таки подпрыгнула Галка. – Они будут над нами издеваться, а мы за ними бегать? Давай, знаешь, сделаем вид, что нам абсолютно все равно. А если спросят, приходили ли мы к пруду, скажем, что даже и не думали.

– Ладно, только я не понимаю, почему ты сегодня весь вечер говоришь обо мне во множественном числе. По-моему, мне одной свидание назначали.

– Думаешь, мне некому назначить? Да? – взвилась Галка. – Найдутся люди! Не воображай!

– Ладно, – опять легко согласилась Ольга и подумала, что Катаняну, видимо, каким-то образом за столь непродолжительный срок удалось найти верный путь к сердцу Калинкиной. Она даже решила не учинять Галке допрос на предмет того, где она три часа болталась в ее куртке, если Добровольский на свидание не пришел.

Проводив подругу, Ольга уселась за сочинение по литературе. Она успела написать только одну дежурную фразу про невероятную гениальность поэта А.С. Пушкина, как от этого серьезного занятия ее опять оторвал телефонный звонок.

– Оля! Это Саша, – раздалось в трубке.

– Катанян? – на всякий случай спросила Ольга, хотя нисколько не сомневалась, что звонит Добровольский.

– Почему Катанян? – удивился Саша.

– Ну... мы с ним часто перезваниваемся, – тут же сочинила Ольга.

– Да?... – Добровольский был явно растерян.

Ольга поняла, что перевес сегодня на ее стороне, и несколько грубовато спросила:

– Что тебе надо?

– Я... насчет зачета...

– А что у тебя с зачетом? – сделала она вид, что ничего не понимает.

– Ну... это... ты же видела, что я не сдавал...

– И что?

– Ну... и ты...

– Послушай, Добровольский! – оборвала его лепет Ольга. – Неужели ты думаешь, что мне больше думать не о чем, как только о вас с Пашкой? Да мне абсолютно наплевать на вас и на ваш зачет! И вообще... Клади трубку немедленно! Мне сейчас... Катанян должен звонить!

Ольга бросила трубку. Сердце ее билось так, что в такт ему сотрясалось все тело. К глазам подступили слезы. Зачем она нагрубила Сашке? У него был такой голос... Ей сейчас казалось, что она легко узнала бы его, даже если бы разом заговорили две тысячи близнецов. И еще она подумала, что завтра без усилий определит, где Саша, а где Паша.

Глава 5

Кажется, все получается...

В школе Ольга поняла, что переоценила свои возможности. Паша с Сашей по-прежнему вдвоем, как подсолнухи к солнцу, поворачивали к ней свои головы, стоило ей только задержаться на них взглядом. Они были абсолютно одинаковыми. Это был какой-то кошмар на улице Машиностроителей! Фреди Крюгер – невинный ангелочек по сравнению с Сашей Добровольским в квадрате.

– Слушай, Ольга, – прервала ее размышления Галка. – Скоро, между прочим, Новый год.

– Ну и?.. – ждала продолжения Ольга.

– Ну и вот... Один человек приглашает меня в Аничков дворец на бал старшеклассников.

Ты была когда-нибудь на балу во дворце?

– Нет.

– Есть возможность...

– Есть, так иди.

– Я говорю, что у тебя тоже есть такая возможность...

– Нельзя ли изъясниться понятнее?

– Можно. У того человека есть три билета во дворец. И если ты не хочешь идти, то он пригласит Телевизора.

– При чем тут Телевизор?

– Они, оказывается, друзья.

– Телевизор с Катаняном друзья?

– Ага... А, собственно, откуда ты знаешь, что с Катаняном? Я, по-моему, не говорила.

Ольга немного растерялась, сообразив, что проговорилась, но сумела достойно выйти из положения:

– Да у вас все на лицах написано! Слепой только не увидит, как вы с Саней переглядываетесь.

– Да? – удивилась Галка и покраснела. – Ну... если ты все равно догадалась, то... Да! Мы с Саней встречаемся! Я не хотела тебе говорить, потому что ты могла бы подумать, что я тебя специально бросила на съедение Добровольским. Просто так получилось...

– Получилось так получилось! Чего ты оправдываешься? Желаю вам, как говорится, счастья в личной жизни!

– А дворец-то? Ты пойдешь с нами во дворец?

– Нет, Галка, не хочу я никаких дворцов. Настроения нет. Идите с Телевизором. Странно только, что Саня дружит с Казбеком. Они такие разные.

– Я сначала тоже так подумала, а потом поняла, что Телевизор, в сущности, неплохой парень. Это у него внешность такая... невыигрышная...

Ольга вся подобралась, будто приготовившись к прыжку, когда у своего подъезда встретила одного из Добровольских.

– Оля, – начал он издали, как только ее увидел. – Я... Саша. И не насчет зачета...

– А что еще случилось? – настороженно спросила она, вглядываясь в его лицо.

– Ничего не случилось. Я... у меня вот тут... – он порылся в карманах и вытащил сложенный вдвое голубой листок, – два билета в Аничков дворец на Новогодний бал старшеклассников. Я тебя приглашаю. Пойдешь?

– Это ты меня из-за Москвы решил ублажить?

– Зачем ты так? Я просто...

– А как же ты без Пашки? Не забоишься? – продолжала иронизировать Ольга.

– Честно говоря, не знаю... – довольно жалко улыбнулся Добровольский. – Вообще-то без него куда-то ходить я никогда не пробовал. Хочу вот... первый раз.

– Ну что ж, придется тебе помочь попробовать, – будто бы нехотя согласилась Ольга, а у самой все внутри пело от радости. Она победила этих «одинаковых с лица»! Вон Сашка какой робкий... Куда только делась его самоуверенность? Ну, погоди, это еще только начало! Она уж постарается, чтобы Сашка понял – без Пашки он может быть в сто или даже в тысячу раз лучше, чем с ним.

– Знаешь, я думал, что ты пошлешь меня подальше, – смущенно сказал он.

– Очень правильно думал. Я только в последний момент решила поступить по-другому.

– Ну, тогда до встречи... через два дня?

– Пока, – сказала Ольга. – Звони.

Добровольский, все так же смущаясь, кивнул головой и развернулся, чтобы идти к дому. Мимо Ольги, как тогда, у кабинета математики, проплыла школьная сумка, и она машинально отметила, что язычка на «молнии» нет. Надо же, как запал в голову отличительный признак, высмотренный глазастой Галкой.

Ольга уже вошла в лифт, когда сообразила, что отсутствие на «молнии» язычка является отличительным признаком вовсе не Саши, а как раз Паши. С такой сумкой два раза ходил на зачет Пашка. Неужели опять надули? У Ольги противно засосало в желудке. Что за невезуха такая! Как же она так глупо попала? Вообразила себе, что Сашка у нее в руках... Ну, Добровольские! Ну, артисты! А как он, Пашка то есть, ловко сыграл смущение и растерянность... Талант! Просто Большой драматический театр имени Товстоногова!

Непонятно только, зачем он ее во дворец пригласил. Неужели «двое из ларца» еще и трусы – готовы пожертвовать целым вечером в Аничковом дворце, только бы она их Нине Петровне не заложила? Впрочем, может, и не трусы, а злобные хитрые авантюристы и интриганы? Тогда Москва, конечно, не главное. Они боятся, что если афера с геометрией раскроется, больше им не удастся провернуть подобный трюк. На математике-то уж точно. Нина Петровна будет бдеть и ни за что больше не даст себя провести.

Ольга удовлетворенно хмыкнула. Пожалуй, она раскусила этих Добровольских, и Галка наверняка похвалила бы ее дедуктивные способности. Вот вам и Саша с Пашей... Отвратительные подлые люди! Клоны! Дубли! Подобные треугольники! Ну, ничего... Главное, теперь она все поняла и никаких неожиданностей для нее больше не будет. А как быть с балом? Послать Сашу-Пашу подальше, как он и рассчитывал изначально? Ну... нет! Она пойдет! Только он потом сильно пожалеет, что так неосмотрительно пригласил ее.

Глава 6

Ах, этот чудный вальс...

Ольга собиралась на Новогодний бал безрадостно и безынициативно. Еще вчера она подогревала себя мыслями о черной мести, которую обрушит на ничего не подозревающего Добровольского, а сегодня весь ее запал куда-то улетучился. Она с горечью думала о том, что все девчонки придут на бал со своими принцами или с надеждой на встречу с ними, и только одна она, Ольга, будет занята неприятной работой по обезвреживанию особо опасных преступников – близнецов Добровольских.

Она посмотрела на себя в зеркало и ужаснулась. Какой кошмар! Тусклые глаза, желтое лицо, бледные губы. Что бы такое надеть, чтобы хоть как-то соответствовать праздничному вечеру?

Ольга раскрыла шкаф, заглянула в его нутро и с раздражением захлопнула дверцу. А может, не ходить? Пусть этот подлый Доброволец ее подождет, помучается, а потом пойдет домой несолоно хлебавши. Все равно она так и не придумала, чем его взять. Разве что Телевизором, как ей когда-то предлагала Галка... А что, в свете последних событий это, пожалуй, здравая мысль! Она придет на бал под ручку с красавцем Сашей-Пашей, а потом – переметнется к Телевизору.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.